

Фёдор Гайда

Рец. на: Н.Б. Хайлова. Центризм в российском либерализме начала XX века. М.: Институт российской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 639 с. (Historia Russica)

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia; HSE University, Moscow, Russia)

Rec. ad op.: N.B. Khaylova. Tsentrizm v rossiyskom liberalizme nachala XX veka. Moscow, Saint Petersburg, 2022

DOI: 10.31857/S2949124X23060196, EDN: NOFMML

Монография Н.Б. Хайловой — первое обобщающее научное исследование российского либерального «центризма» начала XX в. Это не удивительно, поскольку точно определить данное явление не так просто. Ведь речь идёт не о посредничестве между властью и оппозицией или между правительством и Государственной думой (хотя те, кто надеялся играть подобную роль в IV Думе, как раз и называли себя «фракцией центра»), а о тех общественно-политических деятелях, которые стремились занять «срединное» положение в либеральных кругах. При этом до Первой мировой войны среди русских либералов единства не наблюдалось. Умеренная их часть, в целом, желала сотрудничества с властью, которая ради этого 3 июня 1907 г. даже осуществила государственный переворот, обеспечив октябристам относительное большинство в Думе. Наоборот, радикально настроенные конституционные демократы не отделяли себя от «освободительного движения» (объединявшего их с социалистами и анархистами), ориентировались на смену политического строя и в третьеиюньской системе занимали маргинальное положение. Говорить о самом существовании в России до 1914 г. некоего «либерального лагеря» едва ли верно, истории просто при-

выкли это делать благодаря советской историографической традиции. Учитывая же дистанцию, разделявшую кадетов и октябристов, занимать «срединное» положение между ними, конечно, было вполне возможно, однако политический смысл подобной позиции не совсем понятен.

Характерной чертой «центристов», по мнению Хайловой, являлась не только «срединность», но и конструктивность, стремление к диалогу с правительством и различными общественными группами, в том числе совсем не либеральными (с. 32–33). Автор связывает это с этической реакцией на революционную смуту начала XX в. (с. 254). Выступая за гуманизацию российского общества, за политическое просвещение вместо пропаганды, за поиск компромисса, гибкость, прагматизм и реализм (с. 471–472), «центристы» вовсе не считали борьбу за власть своей основной целью. Но в революционную эпоху такая стратегия едва ли могла привести к успеху.

В историографии «центристам» не повезло: они нередко ступёвывались на фоне других партий. Отчасти это происходило вследствие отмеченной в книге расплывчатости источников, связанной с организационной рыхлостью структур «центристского» направления (с. 30–31). На рубеже

Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2023 г.

XX–XXI вв. Хайлова приложила немало сил, готовя к печати сборник их документов, составивший в итоге более 500 страниц¹.

В основной части монографии история «центризма» разделена на три периода: революционные (1905–1907) и предвоенные (1907–1914) годы и время Первой мировой войны и революции 1917 г. При этом в обширной первой главе тщательно освещена его предыстория, которую Хайлова прослеживает с эпохи Великих реформ (с. 471) и либеральной публицистики «Вестника Европы», издававшегося в 1866–1908 гг. М.М. Стасюлевичем (с. 41). Журнал поддерживал политику гр. М.Т. Лорис-Меликова (с. 44–45), призывая к прагматизму и сотрудничеству власти и общественности. Именно поэтому ни о каком формальном ограничении самодержавия на его страницах речи не шло. Вместе с тем в экономической сфере «Вестник Европы» проповедовал социальный либерализм, что даёт основание писать о небуржуазном характере его программы (с. 53–54). Хайлова также отмечает влияние на авторов журнала А.И. Герцена (с. 62). Но оно проявлялось скорее не в 1860–1870-е гг., а на рубеже XIX–XX вв. и позднее, когда к Герцену, как известно, апеллировали многие — от «центристов» и кадетов до социалистов. Александр Иванович оказался слишком широк в своих взглядах (и их эволюции) и сам дал повод для появления множества идейных наследников.

Накануне революции 1905–1907 гг. следовать тем же курсом, которого прежде придерживался «Вестник Европы», стало невозможно. Хайлова винит в этом В.К. Плеве (с. 78). Однако в 1902 г., вскоре после того, как его главный противник — С.Ю. Витте выступил с запиской о несовместимости земства и самодержавия, министр внутренних дел, которого подозревали в готовности вернуть-

ся к проектам гр. Лорис-Меликова (бывшего покровителя Плеве), не мог обещать Д.Н. Шипову создания представительных учреждений. Пожалуй, именно Шипову следовало проявить больше прагматизма и наладить взаимодействие с МВД. Отказавшись от этого, он немало сделал для того, чтобы в 1904 г. утратить своё влияние в земской среде, качнувшейся влево, в сторону революции. Шипов и его единомышленники воспринимались теперь политизированными земцами как «уходящая натура» (с. 81).

После выхода Манифеста 17 октября 1905 г. вокруг «Вестника Европы» сложилась Партия демократических реформ (ПДР). К.К. Арсеньев, фактический лидер редакции, возглавивший журнал в 1908 г., первоначально вступил в кадетскую партию, но вскоре покинул её, не желая подчиняться партийной дисциплине. В результате он создал сугубо петербургский политический клуб, хотя и называвшийся партией, но не имевший жёсткой централизации и даже допускавший двойную партийную принадлежность (с. 112–115). Тогда же в Москве появилась Партия мирного обновления (с. 137–141). Возникли и схожие провинциальные организации (с. 141–145). Принципиальных разногласий между ними не было.

Слабость партийной дисциплины неизбежно придавала всем этим объединениям несколько аморфный вид. Затруднительно установить даже приблизительную численность «центристов» (с. 153). В биографический словарь, ставший приложением к монографии, Хайлова включила около 500 имён. Видимо, это исчерпывающий список участников различных мероприятий нескольких партий. Но далеко не все они являлись собственно партийными активистами. «Либерально-центристского актива» как раз остро не хватало. И даже если, по словам Хай-

ловой, «характерные ярлыки, закрепившиеся за либералами-центристами (“генералы без армии” и т.п.), не отражают значимости, а тем более потенциала этого исторического явления» (с. 475), всё же нельзя отрицать того, что «умеренные прогрессисты» не особо заботились о расширении своих рядов. Судя по названию третьей главы книги, в 1907–1914 гг. они находились «на пути к массовой общероссийской партии». Вот только ушли они не слишком далеко. Все эти «партии», по сути, так и остались клубами.

Тем не менее формирование партии прогрессистов стало заметным событием. Характерно, что стоявшие у её истоков Н.Н. Львов, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев сначала возражали против преобразования депутатской группы в партийную структуру, но затем уступили желанию представителей московских торгово-промышленных кругов². В условиях экономического роста, общественно-оживления и кризиса, поразившего тогда кадетов и октябристов, новая организация нашла свою политическую нишу и добилась серьёзного успеха на выборах в IV Думу³. Но именно московские предприниматели способствовали радикализации прогрессистов, которые в начале 1914 г. по своей тактике оказались даже левее кадетов. К сожалению, Хайлова лишь бегло касается деятельности «центристов» накануне войны (с. 376–377). Между тем хаотичные и плохо рассчитанные попытки прогрессистов создать единый координационный орган оппозиции (от левых октябристов до большевиков) дискредитировали сторонников складывавшегося «левого центра» и привели к образованию в палате правоцентристского большинства, готового выстраивать отношения с правительством И.Л. Горемыкина⁴.

Как верно отмечает Хайлова, Первая мировая война не раз давала про-

грессистам шанс на успех — и в пору «священного единения», и в ходе его последующего кризиса (с. 405). В конце концов ответственность за исход сражений несла власть, а прогрессисты надеялись выиграть в любом случае: либо как сторонники правительства, помогавшие ему одержать победу, либо как те, кто готов заменить режим, приведший страну к поражению. Они охотно включились в работу Земгора и особенно военно-промышленных комитетов, существовавших за счёт казённых средств, но распоряжавшихся ими крайне неэффективно. Прогрессисты вошли и в Особые совещания, однако осенью 1915 г. демонстративно покинули их. В военное время партия больше всего прославилась своим позёрством.

Летом 1915 г. прогрессисты активно участвовали в создании Прогрессивного блока, объединившего значительную часть депутатов Думы и ряд членов Государственного совета. Хайлова видит в этом продолжение той стратегии, которую ПДР вынашивала ещё весной 1906 г., при I Думе: левоцентристская коалиция как опора для сотрудничества власти и общества, обеспечивающего мирное обновление страны (с. 413–414). На деле же блок так и не смог согласовать единый список «министерства доверия». Критика правительства оказалась для депутатов гораздо важнее, чем разработка законопроектов, упомянутых в их декларативной программе. Прогрессисты, как сказано в монографии, вплоть до февраля 1917 г. надеялись избежать революционных потрясений. Но это не мешало им настаивать на назначении «ответственного министерства», т.е. на изменении политического строя, и призывать к прекращению заседаний Думы до реализации этого требования (с. 428–429, 474). Выйдя в октябре 1916 г. из состава Прогрессивного блока, партия стала ещё радикальнее,

оказавшись между ним и социалистами. Вряд ли это свидетельствовало о сохранении ею «центристских» позиций. После Февральской революции почти вся думская фракция прогрессистов присоединилась к новообразованной Российской радикально-демократической партии, занявшей промежуточное положение между кадетами и социалистами (с. 450–451). Главным объектом её критики стали крупные собственники (с. 457).

Как отмечает Хайлова, «в обстановке, сложившейся после крушения самодержавия и вызвавшей разрастание всеобщего хаоса, среди либералов (в том числе прогрессистов) не нашлось лидера, равновеликого большевистскому вождю по своей харизме, который смог бы взять ситуацию под контроль, обеспечив баланс между популистской риторикой и реальными реформаторскими действиями в русле либерального центризма» (с. 476). Учитывая изначальную элитарность «центризма», едва ли следует этому удивляться. Впрочем, в 1917 г. никакой партийный вождь не остановил бы уже сползание страны с разрушенной

государственностью к гражданской войне, которая исключала полноценный политический диалог. В Заключении автор книги сетует на то, что «в силу ряда причин (преимущественно — субъективных) путь, предложенный либералами-центристами, был отторгнут властью» (с. 475). Однако тут невольно вспоминается о том, куда идёт дорога, выложенная «благими намерениями». Впрочем, это ещё надолго останется поводом для научных и публицистических дискуссий.

Между тем монография Н.Б. Хайловой заполняет очень важный пробел в изучении политической истории России начала XX в., и большое значение её труда для отечественной историографии не вызывает сомнений.

Примечания

¹ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / Отв. ред. В.В. Шелохаев. Сост. Н.Б. Хайлова, М., 2002.

² *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 205.

³ Там же. С. 196–201.

⁴ Там же. С. 341, 347–358.